

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.29>

Барахоева Нина Мустафаевна, Барахоева Жанна Мустафаевна

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ,
МОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛАМИ, В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена закономерностям образования отглагольных абстрактных существительных в ингушском языке. Предлагается анализ словообразовательных моделей абстрактных существительных ингушского языка. Кроме того, в работе подвергаются анализу словообразовательные аффиксы ингушского языка, синхронно участвующие в генерировании отвлеченных имен существительных (-р, -лга, -м). Также предпринимается попытка установления этимологии некоторых словообразовательных аффиксов ингушского языка (-н, -г1а), которые сегодня рассматриваются в языке в качестве исторических формантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 156-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Боков А. Х.** Сыновья Беки. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. 576 с.
6. **Вагапова Т. М.** Имена числительные в вайнахских языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тбилиси, 1987. 26 с.
7. **Мальсагов З. К.** Грамматика ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 160 с.
8. **Оздоев И. А.** Числительные в чеченском и ингушском языках // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории языка и литературы. 1966. Т. 5. Вып. 2. Языкознание. С. 119-125.
9. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис: Типография канц. Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Вып. 2. Чеченский язык. 120 с.
10. **Чахкиев С. И.** Золотые столбы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. 439 с.
11. **Яковлев Н. Ф.** Морфология чеченского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. 240 с.

COLLECTIVE AND DISJUNCTIVE NUMERALS IN THE INGUSH LANGUAGE

Ausheva El'za Alikhanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ingush State University, Magas
elza.ausheva2017@mail.ru

The article considers the relevant issues associated with the peculiarities of declension, formation and functioning of collective and disjunctive numerals in the Ingush language. This problem is insufficiently covered in scientific literature. There's a lack of advanced studies on collective and disjunctive numerals in the Ingush language though they require a detailed analysis from the viewpoint of etymology, place in the part-of-speech system, morphological and syntactical peculiarities. The above mentioned facts determine the relevance of the problem for the Ingush linguistics and Caucasian studies in general.

Key words and phrases: Ingush language; disjunctive and collective numerals; way of formation; reduplication; declension; functions.

УДК 811.35

Дата поступления рукописи: 25.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.29>

Статья посвящена закономерностям образования отглагольных абстрактных существительных в ингушском языке. Предлагается анализ словообразовательных моделей абстрактных существительных ингушского языка. Кроме того, в работе подвергаются анализу словообразовательные аффиксы ингушского языка, синхронно участвующие в генерировании отвлеченных имен существительных (-р, -лга, -м). Также предпринимается попытка установления этимологии некоторых словообразовательных аффиксов ингушского языка (-н, -гIа), которые сегодня рассматриваются в языке в качестве исторических формантов.

Ключевые слова и фразы: словообразование; глагол; имя существительное; абстрактное существительное; масдар; отглагольное существительное; морфема; суффикс.

Барахоева Нина Мустафаевна, д. филол. н., доцент
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, г. Магас
Ингушский государственный университет, г. Магас
b1arahoi@rambler.ru

Барахоева Жанна Мустафаевна, к. филол. н.
Ингушский государственный университет, г. Магас
zhanna.barakhoeva@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛАМИ, В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, абстрактные существительные занимают большое место в лексическом составе языка. Несмотря на длительный период изучения абстрактной лексики, в лингвистике до сих пор существуют различные трактовки свойств и проявлений указанной части лексики. Неоднозначность в трактовке абстрактной лексики проистекает от того, что сегодня сами понятия абстрактного и конкретного слова четко не разграничены.

Понятие «абстрактное слово» подразумевает имя существительное, грамматически выражающее значение отвлеченности. Данное значение выражается через определенные словообразовательные суффиксы, также для абстрактных существительных характерно отсутствие формы множественного числа: «Имена существительные, употребляемые для обозначения абстрактных понятий качества, действия и состояния, называются отвлеченными или абстрактными (красота, развитие, энтузиазм, слякоть, белизна, холод, тепло и т.д.)» [2, с. 190].

Исследование проблемы абстрактных существительных (а точнее способов словообразования абстрактных существительных) в ингушском языке представлено в работах находеводов: З. К. Мальсагова, К. З. Чокаева, А. И. Халидова и др.

Однако не все вопросы, связанные с особенностями процессов образования абстрактных имен в ингушском языке, достаточно изучены. Так, на наш взгляд, не определена роль масдара в системе имен частей речи ингушского языка, также особое внимание привлекает к себе генезис словообразовательных аффиксов абстрактных существительных (-р, -лга, -м, -н), чем и обусловлена **актуальность** предлагаемого исследования.

Цель статьи – выявление словообразовательных особенностей и определение места абстрактных существительных, мотивированных глаголами, в системе лексики современного ингушского языка.

Задачи исследования определяются целью, поставленной в данном исследовании, и сводятся к следующему: установление словообразовательных моделей имен существительных, мотивированных глаголами, в ингушском языке; установление перечня активно функционирующих в языке словообразовательных аффиксов абстрактных отглагольных имен существительных.

Научная новизна вытекает из сформулированных целей и задач и состоит в том, что здесь, опираясь на фактический языковой материал, представлен комплексный обзор словообразования абстрактных существительных, мотивированных глаголами. В статье представлен анализ не только синхронно существующих в ингушском языке словообразовательных суффиксов со значением абстрактности, но также и аффиксов, выступающих сегодня в качестве исторических формантов ингушского языка.

Как известно, в системе ингушского языка имена существительные образуются от различных частей речи, в том числе и от глаголов.

Традиционно в нахских языках имена существительные, мотивированные глаголами, делятся на две группы: 1) субстантивы со словообразовательным значением отвлеченного действия (состояния); 2) субстантивы со значением конкретной предметности [1, с. 186].

В ингушском языке отмечаются следующие суффиксы со значением отвлеченного действия (состояния): *-р*, *-лга*, *-м*, *-н*.

Самым продуктивным словообразовательным аффиксом из перечисленных в ингушском языке считается суффикс *-р*. Продуктивность данного форманта определяется его словообразовательными возможностями и в сфере генерирования субстантивов со значением отвлеченного действия, и со значением конкретной предметности.

Что касается производства субстантивов со значением отвлеченного действия при участии форманта *-р*, следует отметить следующее. Как правило, в работах по словообразованию нахских языков к такого рода субстантивам относят масдар (отглагольные имена) [1, с. 99; 8, с. 200; 9, с. 250].

Несмотря на то, что по сей день существуют разночтения по поводу грамматической отнесенности масдара к той или иной части речи, в нахских языках, равно как и в других кавказских языках, существует традиция выделения масдара как отглагольного существительного. Так, например, характеризуя масдар как отглагольное существительное, К. З. Чокаев отмечает, что масдар обладает признаками как глагола: значение действия, переходности/непереходности, однократности/многократности, так и признаками существительного: склонение, иногда – изменение по числам. При этом автор однозначно относит масдар к разряду существительного [9, с. 251].

Устанавливая статус масдара в нахских языках, А. И. Халидов, характеризуя масдар как имя существительное и обращая внимание на полифункциональность данной формы, указывает на тот факт, что масдар в нахских языках не может выступать в «роли глагольного предиката простого предложения. Именно потому, что это не глагольная форма, а имя существительное, которое представляет собой отвлеченное имя действия, но может в результате соответствующих семантических изменений выражать и собственно предметное значение» [8, с. 201].

Отметим также и то, что в первой грамматике ингушского языка масдар характеризовался как инфинитив ингушского глагола, при этом указывалось на возможность его функционирования во множественном числе [5, с. 98-99].

Известно, что масдар ингушского языка образуется при участии словообразовательного форманта *-р*. В других кавказских языках известны случаи, когда масдар имеет несколько словообразовательных суффиксов. Так, например, в дагестанских языках выделяют от одного, двух и более аффиксов [4, с. 117; 6, с. 44; 7, с. 195-198].

Что касается словообразовательного форманта *-р*, его участия в образовании имен и его функционирования в ингушском языке, следует иметь в виду следующее. Данный аффикс представлен и в формообразовании ингушского глагола (например, образование форм прошедшего времени), и в его словообразовании, что является свидетельством того, что в ингушском языке сложно определить грань между словообразованием и формообразованием.

В ингушском языке данный формант является одним из продуктивных словообразовательных суффиксов. Причем он прослеживается в словообразовательной системе ингушского языка, как в синхроническом, так и диахроническом планах.

Так, например, синхронно в ингушском языке практически от любого глагола можно образовать масдар (отглагольное существительное): *лела* → *лелар* («ходить → хождение»), *лакха* → *лакхар* («петь → пение»), *тасса* → *тассар* («кидать → кидание»), *дувца* → *дувцар* («рассказать → рассказывание»), *мала* → *малар* («пить → питье») и т.п.

Кроме того, в ингушском языке представлены отглагольные субстантивы со значением конкретной предметности, образованные также при участии словообразовательного форманта *-р*: *даа* → *даар* («есть → еда»), *ата* → *атар* («молоть → молотба»), *мала* → *малар* («пить → напиток»). Не вызывает сомнения тот факт, что данные существительные первоначально были представлены в языке в качестве масдара. Однако, очевидно, в результате языкового функционирования эти лексемы частично утратили связь с масдаром.

Имеются в ингушском языке и субстантивы, чью семантическую связь с масдаром можно предположить лишь на основании структуры этих лексем, так как они окончательно утратили связь с мотивировавшими их

глаголами. Так, например, в работе К. З. Чокаева рассматриваются существительные типа *буолар* («походка»), *хьоцар* («пот»), *хелхар* («танец»). По его мнению, данные лексемы представляли собой изначально масдар. Однако эти масдарные субстантивы настолько далеко отошли от своего первоначального значения, «что суффикс *-р* перестал выделяться из состава образующей основы без историко-этимологического анализа» [10, с. 69]. То есть, получается, что практически любой субстантив, имеющий в своей структуре формант *-р*, может быть сведен к первоначальному масдару.

Но поскольку вычленяемая визуально и формально основа этих субстантивов синхронно ни в ингушском, ни в других нахских языках не употребляется, говорить о членности данных лексем в современном ингушском языке оснований нет. Так, например, в субстантивах типа *бедар* («перо»), *бер* («ребенок») (ср. со словом *бе – де – е* («родить»)), *бола* («походка») (ср. *бола – вола – йола* («приходить»)), *гIор* («мерзлота»), *вор* («истощенное животное»), *хатар* («горе») и т.п. выделяется морфема *-р*, которая, по всей вероятности, изначально вошла в состав данных слов в качестве словообразовательного форманта. Однако синхронно данные слова членению не подлежат.

Для нашего анализа представляют интерес субстантивы, которые синхронно подлежат морфемному членению, т.е. отглагольные существительные со значением отвлеченного действия (состояния) и со значением конкретной предметности, образуемые при помощи суффикса *-р*.

В ингушском языке нами устанавливается одна словообразовательная модель, по которой генерируются отглагольные имена со значением отвлеченного действия, называющие действие, состояние как процесс и образуемые суффиксом *-р*: *вах* → *вахар* («идти → хождение»), *тоха* → *тохар* («ударить → ударение (в значении «бить»)»), *кагде* → *кагдар* («ломать → ломание»), *саца* → *сацар* («остановиться → останавливание»), *деша* → *дешар* («читать → чтение»), *ала* → *алар* («лежать → лежание»), *када* → *кадар* («соболезновать → соболезнование»), *лиела* → *лиелар* («ходить → хождение»).

Суффикс *-р* при этом присоединяется к основе глагола без каких-либо сопровождающих морфонологических изменений в структуре этой основы.

Данная словообразовательная модель является весьма продуктивной. Однако, очевидно, в результате полисемичности масдарных слов происходит переход отглагольных существительных с абстрактным значением отвлеченного действия в субстантивы с конкретным предметным значением типа *дувцар* («рассказ»), *хаттар* («вопрос»), *дехар* («просьба»), *тохар* («ударение»), *лазар* («болезнь»). То есть получается, что в принципе основное различие между первой и второй группами субстантивов определяется условиями употребления этих субстантивов, поскольку вторые производны от первых. Возможно, со временем семантическая связь субстантивов второй группы с именами первой группы утратится и они полностью перейдут в разряд существительных со значением конкретной предметности.

Практически во всех исследованиях по словообразованию имени существительного в нахских языках указывается на наличие суффикса *-лга* в ингушском языке, которому в чеченском языке соответствует вариант *-йла* [9, с. 248], *-ийла* [8, с. 223].

Следует отметить, что К. З. Чокаев возводит этимологически данный суффикс к формативу конъюнктива нахского глагола (ср. чеч. «Дехийла шу» – «Да живите вы!»), подвергнутому «впоследствии лексикализации в структуре имен существительных, обозначающих место или возможность действия» [9, с. 248].

Выделенные автором два значения данного суффикса в чеченском и ингушском языках различаются в контексте при помощи классных показателей. «Значение места обозначается при помощи классного элемента *й*, а значение возможности действия обозначается экспонентом *д*» [Там же].

А. И. Халидов, рассматривая функции данного суффикса в чеченском языке, обращает внимание на тот факт, что во всех существительных чеченского языка, образованных при участии суффикса *-йла*, в структурах этих субстантивов данному аффиксу предшествует гласная *-и*. То обстоятельство, что форма конъюнктива чеченского глагола, с которым якобы связано возникновение суффикса *-йла*, образуется от основы настоящего времени: *латта* – *латтийла*, – является, по мнению автора, основанием для выделения здесь суффикса *-ийла*, а не *-йла*. Однако с учетом того, что субстантивы от односложных основ типа *гуо* – *гуойла* имеют в своей структуре явно суффикс *-йла*, в чеченском языке целесообразно выделить словообразовательный формант *-ийла* с алломорфом *-йла* [8, с. 223].

Отметим, что ни один из исследователей не пишет о том, каким образом в ингушском языке произошло преобразование чеченского суффикса *-йла* в вариант *-лга*. Обратим внимание, что форма желательного наклонения со значением адресованности действия первому, второму и третьему лицам в ингушском языке в зависимости от гендерного различия лиц, к которым обращается говорящий, несколько различаются.

Так, например, при обращении к лицу женского пола данная форма будет иметь следующий вид: *яхийла хьо* («живи ты»). То есть в структуре глагольной формы обнаруживается суффикс *-ийла*. При обращении же к лицу мужского пола форма желательного наклонения имеет следующий вид: *вахалва хьо*. Как видим, здесь представлены разные классные показатели.

При образовании абстрактных имен существительных в ингушском языке, как известно, используется суффикс *-лга* (*вахалга* («возможность жить»)). Сравнивая глагольную форму *вахалва* и субстантив *вахалга*, мы убеждаемся в том, что субстантив произведен от формы желательного наклонения глагола, а субстантивный суффикс *-лга* восходит этимологически к глагольному суффиксу *-лга*. Проблема, требующая объяснения, состоит в необходимости уточнения происхождения звука *-г* в рассматриваемом суффиксе. Зная, что формант *-г* выступает в нахских языках как маркер субстантивных значений (например, в независимых

причастиях типа *даьрг* («сделавший»), *дешарг* («читающий»)), резонно предположить, что и в образовании отвлеченных существительных данный маркер становится элементом словообразовательного суффикса *-лга* по аналогии с *-рг* (*дешарг* («читающий»), *дешалга* («возможность чтения»)).

Что касается семантики, которая передается субстантивами, образованными при участии суффикса *-лга* в ингушском языке, заметим, что мы придерживаемся мнения К. З. Чокаева, согласно которому данного рода новообразования в ингушском языке передают значения места и возможности действия [9, с. 248].

Субстантивы, образованные суффиксом *-лга*, сохраняют значение модальности (свойственное глагольной форме, послужившей прообразом рассматриваемых субстантивов), при этом приобретают и значение отвлеченной предметности, реализующееся в репрезентации опредмеченного места, где может происходить действие, указанное в исходном глаголе. Соответственно этому нами выделяются две словообразовательные модели данных существительных в ингушском языке:

1. Существительные, образующиеся по первой модели, производны от глаголов, обозначающих состояние, действие, и имеют значение возможности осуществления действия: *вижа* → *вужалга* («лечь → возможность лечь»), *алла* → *уллалга* («лежать → возможность полежать»), *вагла* → *ваглалга* («сидеть → возможность сидеть»). Субстантивы со значением возможности действия в ингушском языке производны как от глаголов состояния (статичных), так и от глаголов действия (динамических).

2. Существительные, образующиеся по второй модели, производны от глаголов, обозначающих действие, и имеют значение места, где возможно действие, заложенное в производящем глаголе. Определенное значение места приобретают лишь субстантивы, производные от глаголов действия: *саца* → *соцалга* («остановиться → место, где можно остановиться»), *вижа* → *вужалга* («лечь → место, где можно лечь»), *латта* → *латталга* («стоять → место, где можно постоять»), *лела* → *лелалга* («ходить → место, где можно походить»), *отта* → *отталга* («встать → место, где можно встать») и т.п.

При этом данные субстантивы не исключают наличие в своей семантике значения возможности действия, то есть эти существительные обозначают место, где действие, заложенное в семантике производящего глагола, возможно.

Глаголы со значением состояния в ингушском языке такого рода субстантивов не генерируют.

Следующим словообразовательным формантом, участвующим в производстве отглагольных существительных со значением отвлеченной предметности, является суффикс *-м*. Данный формант, по мнению К. З. Чокаева, является заимствованным в чеченском и ингушском языках [Там же, с. 251].

Характеризуя суффикс *-м* в нахских языках, А. И. Халидов указывает на семантическое различие между аффиксами *-р* и *-м* и солидарен с мнением К. З. Чокаева о том, что существительные, образующиеся при участии суффикса *-м*, имеют более конкретное значение и меньшую степень глагольности [8, с. 232].

Следует также заметить, что все исследователи словообразовательной системы нахских языков придерживаются мнения о том, что суффикс *-м* в нахских языках заимствован. В качестве основного аргумента, подтверждающего это суждение, выдвигается факт отсутствия этого аффикса в синхронном бацбийском языке. Следовательно, «появление в чеченском и ингушском языках заимствованных словообразовательных суффиксов *-ча* и *-м* относится к сравнительно позднему периоду их развития» [3, с. 395]. Ю. Д. Дешериев связывает происхождение рассматриваемого аффикса с заимствованиями из арабского языка, которые могут иметь как значение отвлеченной предметности (*Иалам* («природа»), *зулам* («вред»)), так и семантику конкретной предметности (*кьоолам* («карандаш»), *кьам* («народ»)).

Исследуя этимологию суффикса *-м* в нахских языках, А. И. Халидов подвергает сомнению гипотезу, согласно которой этот аффикс заимствован из арабского языка, именно на основании того, что в нахских языках все мотивированные субстантивы с суффиксом *-м* имеют лишь значение отвлеченной предметности.

Гипотезы тюркского происхождения аффикса *-м* придерживается К. З. Чокаев [9, с. 251]. Опровергая данную точку зрения, А. И. Халидов пишет о том, что в чеченском языке «слишком мало (если они вообще есть) тюркских заимствований с таким суффиксом, без которых вряд ли возможна морфемно-морфологическая проницаемость языка» [8, с. 234].

Таким образом, приходим к выводу о том, что этимология суффикса *-м* в чеченском и ингушском языках на сегодня остается не проясненной.

Что касается словообразовательных особенностей функционирования данного аффикса, заметим, что при участии суффикса *-м* в ингушском языке образуются отвлеченные имена от основ глагола. И в этом плане прослеживается некое родство с формантом *-р*, при участии которого в ингушском языке генерируется *масдар*. В отличие от *масдара* существительные, образованные суффиксом *-м*, «более опредмечены, не обозначают процесс» [9, с. 251]. То есть данные существительные теряют все признаки глагольности (переходность/непереходность, однократность/многократность).

Мы уже говорили о том, что *масдарные* имена в ингушском языке образуются от глаголов любой семантики. Формант *-м* участвует в образовании отвлеченных имен лишь от некоторых типов глаголов: *кхиера* → *кхиерам* («бояться → страх»), *кхиета* → *кхиетам* («понимать → понятие»), *саца* → *соцам* («остановиться → решение»), *таьа* → *тоьам* («хватить → недостаток»), *тахка* → *тохам* («исследовать → исследование»), *латкьа* → *лоткьам* («жаловаться → жалоба»), *кхача* → *кхоачам* («достичь → довольство») и т.д. Здесь следует заметить, что практически все новообразования с суффиксом *-м* имеют синонимичные отглагольные имена – *масдары*: *кхиерам* – *кхиерар* («страх – боязнь»), *кхиетам* – *кхиетар* («понятие – понимание»), *соцам* – *сацар* («решение – останавливание») и т.п.

Сравнительный анализ семантики двух групп производных существительных с семантикой отвлеченной предметности показывает, что масдар репрезентирует более высокую степень абстрактности выражаемого им понятия, нежели отвлеченные существительные, производимые суффиксом *-м*.

Кроме того, обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Дело в том, что глаголы, образующие отвлеченные имена при помощи форманта *-м*, сложно объединить в какие-либо словообразовательные группы (производящие глаголы), поскольку невозможно установить закономерность, которая последовательно выдерживалась бы всеми лексемами определенных групп. Так, например, некоторые глаголы чувственного восприятия способны мотивировать отвлеченные понятия при помощи суффикса *-м*: *ла* → *ло* / *ам* («желать → желание»), *ха* → *хоам* («знать → новости»), *беза* → *безам* («любить → любовь»), *эша* → *эшам* («нуждаться → недостаток»), но невозможно производство таких же субстантивов, например, от глаголов чувственного восприятия типа *хета* («казаться»), *мага* («мочь»), *мега* («мочь») и т.д.

Следует отметить также и то, что образование имен при помощи суффикса *-м* от глаголов в некоторых случаях контролируется и классными показателями, которыми снабжены данные глаголы. Так, например, существительные *безам* («любовь»), *белам* («насмешка»), *буохам* («расстройство») образуются от производных глаголов лишь в случае их употребления с классным показателем *-б*.

Образуя имена существительные со значением отвлеченной предметности, рассматриваемый аффикс присоединяется к основе глагола без каких-либо морфонологических изменений в основе производящего слова.

В литературе по нахским языкам отмечается и возможность использования данного суффикса при образовании имен от сложных глаголов типа *сакъиерда* → *сакъиердам* («веселиться → веселье»), *къахета* → *къахетам* («жалеть → жалость»). При образовании имен от некоторых сложных существительных происходит изменение корневой гласной одного из компонентов данного композита: *дагалаца* → *дагалоцам* («запомнить → намерение») [8, с. 238].

Кроме того, следует отметить и то, что синхронно в ингушском языке представлены отвлеченные имена, производящие основы которых сегодня в языке не функционируют: *теркам* («внимание»), *лоадам* («важность»).

Словообразовательная модель отвлеченных существительных с суффиксом *-м* в ингушском языке считается малопродуктивной.

Словообразовательный формант *-н* (чеч. *-на*) выделяется в нахских языках, несмотря на то, что при участии данного суффикса образуется лишь два субстантива: *йоачан* («ненастье»), *екхан* («засуха»).

Ю. Д. Дешериев указывает на то, что данные лексемы образованы «путем сочетания суффикса *-н* с вторичным чередованием гласных некоторых глагольных основ... рассматриваемые формы производных имен существительных могли возникнуть в период развития вторичного чередования гласных в именных и глагольных основах в чеченском и ингушском языках, т.е. в период образования в них глагольных основ настоящего времени изъявительного наклонения» [3, с. 398-399].

По мнению автора, форма *йоачан* восходит к *йача* («быть ненастным») и форманту прошедшего времени *-на*: *йоачан* < *йоашойн* («мокрый, сырой делаемый»). Считается, что таким же путем образовался и ингушский вариант этого слова [Там же].

Заметим, что синхронно в ингушском языке отмечаются лишь указанные выше две лексемы со значением отвлеченной предметности с суффиксом *-н*.

Следовательно, данные имена существительные нужно характеризовать как относящиеся к сфере исторического словообразования.

В ингушском языке нами отмечается одно существительное с абстрактным значением, образованное при участии форманта *-гIа* – *дабагIа* («дубление»).

Считается, что данная лексема мотивирована глаголом *даба* («дубить»), который синхронно в нахских языках не функционирует [8, с. 226].

В литературе по словообразованию нахских языков отмечается, что данный суффикс является непродуктивным и синхронно практически не участвует в словообразовании абстрактных существительных.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что синхронно в ингушском языке имеются словообразовательные модели абстрактных имен существительных, мотивированных глаголами.

В современном ингушском языке присутствуют живые словообразовательные суффиксы со значением абстрактности: *-р*, *-м* – и суффиксы, которые сегодня новых лексем не производят: *-н*, *-гIа*, т.е. являются историческими формантами.

Кроме того, в ингушском языке прослеживается особенность, состоящая в том, что абстрактные существительные здесь постепенно опредмечиваются, приобретая значение конкретных существительных.

Список источников

1. Ахриева Р. И., Оздоева Ф. Г., Мальсагова Л. Д., Бекова П. Х. ХIанзара гIалгIай мотт. Назрань: Полиграфический комбинат, 1997. 265 с.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / под ред. Н. С. Валгиной. Изд-е 6-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.
3. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. М.: URSS, 2006. 552 с.
4. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. 214 с.
5. Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 160 с.

6. Махмудова С. М. Современный рутульский язык. Словообразование. Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 2010. 54 с.
7. Муталов Р. О. Морфологический строй глагола даргинского языка: дисс. ... д. филол. н. Махачкала, 2003. 340 с.
8. Халидов А. И. Морфемика и словообразование чеченского языка. Грозный: Книжное издательство, 2010. 766 с.
9. Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Словообразование. Назрань: Пилигрим, 2010. 384 с.
10. Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке (с привлечением материалов ингушского и бацбийского языков) // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1962. Т. IV. Вып. 2. Языкознание. С. 3-98.

WORD FORMATIVE MODELS OF VERBAL ABSTRACT NOUNS IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ingush Scientific Research Institute of the Humanities named after Chakh Ahriev, Magas
Ingush State University, Magas
b1araho@rambler.ru

Barakhoeva Zhanna Mustafaevna, Ph. D. in Philology
Ingush State University, Magas
zhanna.barakhoeva@mail.ru

The article is devoted to analysing the mechanisms of verbal abstract nouns formation in the Ingush language. The paper analyses the Ingush word formative affixes as well as the affixes simultaneously participating in abstract nouns formation (-р, -лга, -м). The authors trace the etymology of some affixes (-н, -г1а), which are considered as historical formants nowadays.

Key words and phrases: word formation; verb; noun; abstract noun; masdar; verbal noun; morpheme; suffix.

УДК 811.512.157'35

Дата поступления рукописи: 04.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.30>

В якутской орфографии функционируют одновременно фонетический, морфологический и цитатный принципы письма. Ведущим из них является фонетический принцип, который действует в тех случаях написания, когда письмо полностью совпадает с якутским произношением. Данная статья посвящена исследованию развития морфологического принципа в историческом аспекте. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что морфологический принцип, внедренный в 20-30-х годах XX века, работает в тех случаях, когда выбор написания определяется морфологической структурой слова.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; правила якутской орфографии; принципы орфографии; морфологический принцип; орфографические дискуссии.

Васильева Надежда Матвеевна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
ntm69@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОЙ ОРФОГРАФИИ: ВНЕДРЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА

Без орфографии – устойчивого базиса письменности – невозможна передача информации от поколения к поколению, и потому орфография – это своего рода культурный код, наше языковое наследие. У каждой орфографии свои, обусловленные историческим развитием, принципы.

Выбор принципов орфографии имеет большое значение в системе буквенно-звукового письма. Согласно Л. Н. Булатовой, «орфографические принципы это, с одной стороны, определенные закономерности, лежащие в основе той или иной орфографической системы, а с другой – принципы описания этой системы» [2, с. 66]. Указание на такое двустороннее содержание термина «принцип», по мнению В. Ф. Ивановой, очень важно и существенно, так как «описание принципов орфографии действительно меняется в зависимости от развития и направления лингвистической теории» [5, с. 4]. В. Ф. Иванова принципы орфографии определяет как «руководящие идеи выбора букв носителем языка там, где звук (фонема) обозначен вариативно» [Там же]. О соотношении принципов и правил орфографии удачно высказался Б. Н. Головин: «Все многообразие действующих в разных языках орфографических правил подчинено немногим главным требованиям, или принципам» [4, с. 253].

Итак, принципы орфографии – это закономерности, лежащие в основе орфографической системы, общие основания для написания слов при наличии выбора, предоставляемого графикой, иными словами, обоснованный выбор одного или нескольких вариантов написания слова.

Анализ лингвистической литературы по теме исследования показал, что в современных орфографиях тюркских литературных языков основными принципами являются фонетический и морфологический.